

Петренко А.Д.
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ДИАЛЕКТОВ D'OÏL В СТАРОФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД

A heating discussion has been going on for decades and define what the origin and way of development of the French language is. Different linguists have different opinions on the problem but one thing is undisputable: it has started to develop on the basis of the "d'oïl" dialects. The problem to investigate is which of the dialects has played the most important role in the process of development of the French national language and why residents of Paris and the linguistic "outskirts" are of different opinions on the problem.

Неослабевающий интерес лингвистов многих стран к проблеме становления и функционирования французского национального языка во всем многообразии форм его существования обуславливает актуальность темы представляемого исследования. Весомый вклад в разработку этого вопроса сделали такие специалисты, как А. Доза, Ф. Брюно, Ж.-М. Клинкаенберг, М.В. Сергиевский, Н.А. Катагощина, Л.М. Скредина и др. Французская научная мысль развивается под влиянием политики централизации, начатой в государстве еще в Средние века. Мнение центра (т.е. Парижа) не всегда совпадает с точкой зрения филологов, представляющих лингвистически приграничные регионы (Страсбург, Лион). Цель настоящей работы заключается в анализе одной из дискуссионных версий о становлении и развитии диалектов d'oïl в Старофранцузский период.

Понятие диалект является неотъемлемой частью идиома язык, как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах изучения. Поэтому многие лингвисты (Н.И. Филичева, В.М. Жирмунский, Ж.-М. Клинкаенберг), прежде чем приступить к частным исследованиям диалектов конкретного языка, пытаются унифицировать само определение диалекта. Несмотря на достаточное количество фундаментальных исследований, общепринятой трактовки диалекта не существует до сих пор. Наиболее подходящим к специфике представляемого исследования можно считать понимание диалекта, как территориальной разновидности общенационального языка, характеризующейся наличием различительных признаков, не подлежащих изменению, начиная с определенного момента в истории языка (В.М. Жирмунский, Н.И. Филичева, Д.Э. Розенталь). В связи с тем, что хронологические границы диалекта (особенно начальную) с собственно лингвистической точки зрения обосновать не просто, принято учитывать внеязыковые факторы. Для французских диалектов начальная хронологическая граница определяется 1794 г.¹ – годом издания Декрета, провозгласившего французский язык единственным языком официальной документации. (Декрет сохраняет силу до нашего времени). Всякое изменение, происходящее в диалекте с этого момента, не может привести к модификации его как системы, а влечет за собой образование "полудиалекта" (В.М. Жирмунский) или "региональной разновидности обиходно-разговорного языка" (Н.И. Филичева). Все региональные разновидности языка, распространенные на территории Французского государства до этой даты, в данной статье фигурируют как говоры.

Понятие язык неразрывно связано с понятиями культура и этнос. Формирование французского языка представляет собой длительный процесс, связанный с развитием французской народности и становлением нации. Анализ каждого конкретного периода в истории языка неизбежно требует учитывать культурную и политическую ситуации данного отрезка времени, а также направление и уровень развития этнического мышления. Эти факторы учитываются при выделении периодов в истории французского языка. Хронологические границы периодов, выделяемых в истории французского языка, варьируют в зависимости от критерия, положенного в основу периодизации. Например, Дж. Хилти и Ч. Госсен основным критерием считают собственно лингвистический, и констатируют факт неразделимости понятий язык и литература, определяя возникновение французского языка появлением "La Sequence de Sainte Eulalie". Другой точки зрения придерживаются А. Доза, Л.М. Скредина, К.А. Аллендорф, начинающие исчисление истории французского (старофранцузского) языка с февраля 842 г., т.е. даты подписания Страсбургских клятв. И истории французской народности с 843 – подписания Верденского соглашения. В настоящей статье представлена периодизация истории французского языка, подтверждающаяся результатами исследований М. Делбуйя [7], Л.М. Скрединой [5], Л. Ремакля [8]. Можно выделить три периода:

1. Старофранцузский – IX – XIII вв.
2. Среднефранцузский – XIV – XVI вв.
3. Классический – XVII – XVIII вв.

Хронологические границы Старофранцузского периода – вопрос дискуссионный. М.В. Сергиевский датирует их IX – XVI веками, Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф ограничиваются XIII веком. Ч. Госсен выдвигает гипотезу о целесообразности отделить XIII в. в истории французского языка от

¹ В 1794 г. по указанию Учредительного Собрания в провинциях Франции был проведен опрос населения: французский язык считали родным 11 млн. человек (из 26 млн. жителей), 6 млн. могли объясняться на франц. языке с большим трудом, 3 млн. владели франц. разговорным, как вторым языком, но не умели на нем писать.

периода IX – XII веков. Поскольку XIII столетие представляет уже собственно результат языковых изменений, произошедших в старофранцузский период. По мнению Делбуйя: “Язык XII – XIII веков – это не творение представляемых эпох, а результат долговременного процесса, имевшего место ранее, и этот процесс мы можем наблюдать в сохранившихся источниках” [7, с.196]. Под возникновением и развитием французского языка понимается процесс сложного взаимодействия латинского языка и романской речи Галлии, с одной стороны. И – с другой стороны – взаимодействие вариантов романской речи различных областей Галлии, которые дали впоследствии начало диалектам будущего французского языка. Именно в Средние века происходит разрушение латинской структуры и заложение основ будущего французского языка. Для Франции той эпохи вообще характерно двуязычие. Языком администрации, церкви и образования является латинский язык. Параллельно существует французский – в виде говоров. Ориентировочно к X в., выделяется три больших группы говоров, сохранившихся, как диалекты до наших дней: на юге, включая большую часть Центрального Массива - *langue d'oc*, на западе и севере – *langue d'oïl*, а также франко-провансальская группа, менее ясно выраженная и менее однородная, которая объединяет территорию вокруг Лиона, от Альп до Форез и севернее – до Юры. Именно говоры *langue d'oïl* формируют основу французского языка. Сегодня эту группу представляют франсийский, пугатевинский, нормандский, пикардский, валлонский, лотарингский, бургундский, а также диалекты регионов Шампань и Сентонж. По наиболее распространенной версии, определяющей социальную значимость языка наличием литературного наследия, франсийский говор (диалект l'Île-de-France), находившийся некоторое время под влиянием нормандского, ассимилировав все остальные, становится французским общенациональным языком. Ряд французских лингвистов, представляющих приграничные регионы Франции [7,8], придерживается иной теории, которую нельзя признать бесосновательной. Вопрос – в чем заключалась разница между говорами *langue d'oïl* в IX веке? – привел к дискуссиям, которые, однако, не дали ожидаемых результатов. Окончательный ответ до сих пор не найден. Тем не менее, был сделан ряд интересных выводов. Языковеды Страсбургского университета, в результате экспериментальных исследований, констатировали, что каждый говор обязан своими новообразованиями нескольким соседним. И эта тенденция наблюдалась особенно ярко в *langue d'oïl* в его наидревнейшей фазе становления. Ни один из говоров *langue d'oïl* нельзя выделить по принципу наличия свойственной только ему группы особенностей. А наоборот, каждый отдельно взятый говор обладает чертами общими, то с одним, то с другим из соседних. Большинство из диалектических черт скорее связывают различные говоры *langue d'oïl*, чем являются показателем их разделения. Этот фактор может объяснить относительную общность в письменной практике соседствующих диалектов. Им же подтверждается происхождение всех соседствующих говоров от одного начального идиома. Дальнейший анализ валлонского говора является попыткой опровергнуть распространенное мнение о том, что франсийский, начиная с IX века, считался наиболее престижным. И эта престижность основывалась на его непосредственной близости к латинскому субстрату и возможной большей архаичности данного говора в сравнении с другими группами *langue d'oïl*. Французский лингвист Луи Ремакль задается вопросом: “Существует ли в конце концов принципиальное различие между валлонским и франсийским?” [7, с.191]. Нет. Франсийский и валлонский различаются как два диалекта одной группы. Эти два идиома развиваются одинаковым путем. Расхождения встречаются лишь в редких случаях. Тем не менее, это не помешало франсийскому диалекту приобрести яркую индивидуальность. С какого периода начинает проявляться эта индивидуальность? К 800 году появляется ряд различий, рассекающих север Галлии на диалектные сегменты. Различия, которые должны были двигаться далее в Западную Бельгию, с тем, чтобы разделить и валлонский. Произошло ли это на самом деле? Трудно ответить на этот вопрос положительно. В сравнении с франсийским, пикардским и лотарингским, валлонский диалект приобретает свои индивидуальные черты достаточно поздно – к началу XIII века. И лишь к XIV в. происходит его становление. Речь идет не о письменном языке Валлонии (*scripta de Wallonie*), а о разговорном варианте (*dialecte oral*), берущем начало непосредственно от латинского языка и напрямую восходящем к современным говорам валлонского диалекта. Таким образом, валлонский говор в значительной мере уже изначально отличался от других говоров *d'oïl*, но окончательно оформляет свою индивидуальность позже других. Все диалектные черты, проявляющиеся на территории Западной Бельгии к 800–1000 гг., не обнаруживают тенденции к какой-либо локализации. Встречаясь же в речи, они расцениваются как архаизмы и носят ярко выраженный негативный оттенок. То, что валлонский отличается на сегодня сохранением “a” в таких словах как “hâle” (фр. – “échelle”, лат. – “scala”) указывает на то, что он, как и некоторые другие периферийные говоры *d'oïl* (Meurthe-et-Moselle, Vosges, Charentes), не знал в данной позиции (под влиянием последующего “i”) изменения “a” на “é”, которое произошло к концу VII века. Здесь также не происходит эволюции “c”, “g” с постпозиционным “a”. Это сближает валлонский с пикардским и нормандским, вернувшихся (или остановившихся) к латинскому произношению. В отличие от всех остальных говоров *d'oïl*, перешедших к [tʃ], [dʒ] в начале VI в., валлонский исторически связан с центральными говорами *d'oïl*: изменение k + e, i на [tʃ] (а не на [tʃ] как пикардский). Сохранение германского w сближает валлонский со всеми говорами *d'oïl*, соседствующими с лингвистической границей: wesse (фр. – guère), warder (фр. – garder) Это позволяет сделать вывод о том, что данные регионы подверглись влиянию франкских говоров. Губные, сопровождаемые [j] (лат. – arprograte, фр. – arprocher, валл. – argrêr) сохраняются еще в Арденнах и Дофине. Это сочетание восходит к V или VI векам. Альтерация [b] в [v] в сочетаниях [abl], [ibl], общая с говорами севе-

востока, также является архаичной и датируется VII веком. Переход к “-âve” или “-ûle”, который является одной из наиболее характерных черт валлонского – также архаизм. Этим архаизмом валлонский отличается от других говоров, если и приобрел указываемую черту, то лишь после IX века. Отсутствие в валлонском интеркаляции [b] или [d] в группах [ml], [nr] и т.д. сближает его с диалектами севера и востока в противовес центру региона d’oîl: вал. – tinre, фр. – tendre. К 1000 году во французском и пикардском [e] + [j] переходит в [i], [u] переходит в [y] в центральных говорах, что в который раз подтверждает архаичность валлонского. К X веку валлонский отличается особым консерватизмом, в чем он близок северным и восточным говорам, таким же как и он периферийным и подверженным франкскому влиянию.

Черты валлонского диалекта проникают в scîrta. Это противоречит идее о том, что, начиная с IX в., все говоры d’oîl принимают исключительно черты французского, как наиболее престижного из всех говоров d’oîl. Если именно французский считается наиболее престижным, начиная с IX века, как объяснить тот факт, что в Страсбургских клятвах наблюдаются характерные черты пуатевинского?

Таким образом, можно констатировать, что французский говор приобрел общенациональное значение благодаря действию внеязыковых факторов: большей экономической и политической значимости региона l’Île-de-France. А политика языковой централизации, проводимая в стране на протяжении всей истории, привела к несколько обратному эффекту – укреплению статуса и увеличению значимости диалектов в сознании региональных этнических образований. Это повлекло за собой необходимость (с 1951 года) установить политику языковой терпимости: языковая ситуация современной Франции характеризуется практически повсеместной диглоссией.

Источники и литература

1. Бахирев Ю.Г. Новейшая история языковой политики Франции. – М., 2001. – 480 с.
2. Веденина Л.Г. Особенности французского языка. – М.: Просвещение, 1988. – 288 с.
3. Доза А. История французского языка. – М., 1956. – 512 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.М. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Скредина Л.М. История французского языка. – М.: Высшая Школа, 1972. – 311 с.
6. Allieres J. La formation de la langue française. – Paris, 1988.
7. Delbouille M. Comment naquit la langue française? // Phonétique et linguistique romanes. – Lyon-Strasbourg, 1970. – p. 187–199.
8. Gardette P. Pour une géographie linguistique de la France. // Phonétique et linguistique romanes. – Lyon-Strasbourg, 1970. – P. 262–273.
9. Klinkenberg J.-M. Des langues romanes. – Louvain-la-Neuve, 1994. – 310 p.
10. Quid 2001, ed. Robert Laffont. – Paris, 2000. – 2079 p.

Приходько А.Н.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ В МОДАЛЬНО-ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследование речемыслительной деятельности человека предполагает изучение, по крайней мере, двух лингвоментальных феноменов – проблемы получения знаний (компетенция когнитологии) и проблемы их передачи, трансфера (компетенция эпистемологии). Это означает, что в структуре знания можно выделить как минимум две плоскости – аспект референции (когнитология) и аспект репрезентации (эпистемология). Если в первом случае языковедческая наука наработала довольно обширный объем информации, то во втором остается невыясненным целый круг вопросов, которые как раз и составляют объект интереса настоящей статьи.

Предметом лингво-эпистемологических исследований служит гносеологическая (аккумулятивная) функция языка – знание, информированность субъекта речи об объектах речи [15, с. 33]. Особый узел проблематики составляет репрезентативная плоскость знания, а именно вопрос о том, каким образом языковой знак, передавая информацию референтного порядка, одновременно „умудряется” передавать и метаинформацию – ее оценку говорящим с точки зрения истинности, правдивости, приемлемости и т.д. В этом отношении определенного внимания заслуживает изучение феномена репрезентации знания в триаде «эпистемический мир – эпистемическое состояние – эпистемический модус».

Совокупность наработанных человечеством знаний следует охарактеризовать как глобальный когнитивный универсум, который можно представить себе как некий гипотетический список всех мыслимых суждений. Такой список отражается в системе знаний каждого индивида по-своему, составляя его собственный эпистемический мир – совокупность знаний, которыми владеет языковая личность (homo loquens).

Эпистемический мир (ЭМир) – это индивидуальная система (фонд, база, инвентарь, арсенал) знаний говорящего, его информационный запас и одновременно его ментальный тезаурус, его собственная картина мира. Эксплицитно выраженные знания составляют лишь незначительную часть общей базы знаний человека. Согласно современным научным представлениям, такая база является самоорганизующейся и – регулирующей системой, охватывая как минимум два основных вида знаний человека – энциклопедические и лингвистические.